

Отечественная история

УДК 94(470):27-764

DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-2-12-31

«“Сатурн” почти не виден»¹ (неизвестная семинария)

Владимир Н. Кузнецов

РОО «Центр “Ветеран-Контртеррор”»,
Москва, Россия, centr.v@inbox.ru

Константин А. Мазин

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, konstantin.mazin@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется история Токийской духовной семинарии, возникшей в 1875 г. при Русской Духовной миссии в Японии. Обращение к данному сюжету обусловлено тем, что один из авторов статьи обнаружил в Государственном Архиве Российской Федерации в фонде известного церковного деятеля протоиерея П.И. Булгакова интереснейший документ под названием «Школа императорской русско-православной церкви (Тихоновской) для образования японских шпионов» (ГА РФ. Ф. Р-597. Оп. 1. Д. 135), подписанный литературным псевдонимом «Иван Горемыка». В нем с совершенно новых позиций рассматривается деятельность Токийской семинарии, которая в российской историографии всегда позиционировалась как одно из высших достижений проявления «мягкой силы» для увеличения влияния России на японских островах. Такой подход привел к необходимости подробного анализа всех сторон функционирования описываемого образовательного учреждения, которому и посвящена большая часть предлагаемой статьи. Особое внимание уделено деятельности семинаристов после окончания семинарии, а также степени ответственности за выдвинутые обвинения руководителей миссии. Причем ни сам «разоблачитель», ни один из представителей русской колонии в Токио не подвергали сомнению непричастность

© Кузнецов В.Н., Мазин К.А., 2024

¹ «“Сатурн” почти не виден» – первая из документального цикла книг В.И. Ардаматского о борьбе советской разведки с главным центром немецкого шпионажа, школой абвера «Сатурн». По мотивам повести была создана известная киносериология, лидер советского кинопроката 1967 г.

(за исключением некоторой наивности) главного предстоятеля Православия на японской земле прославленного в лике святых как равноапостольного Николая Японского (Ивана Дмитриевича Касаткина). Между тем сменивший его на посту руководителя миссии Сергей (Георгий Тихомиров) вызывал определенные подозрения, а «Иван Горемыка» просто обвинял его в пособничестве разведывательным структурам Японии. В конце концов авторы пришли к заключению, что, несмотря на излишнюю негативность и категоричность, доводы «Ивана Горемыки» совсем не далеки от истины: действительно, японским властям отчасти удалось использовать даже русскую православную семинарию в своих антироссийских действиях. Отдельно рассматривается судьба русских семинаристов, в частности В.С. Ощепкова, отца русского самбо, при помощи которых российская контрразведка пыталась нивелировать отрицательные стороны в деятельности семинарии.

Ключевые слова: Русско-японские отношения второй половины XIX – начала XX в., Русская духовная миссия в Японии, Токийская православная семинария, Архиепископ Николай Японский (Иван Касаткин), Архиепископ Сергей (Георгий Тихомиров), деятельность выпускников Токийской семинарии

Статья поступила в редакцию 11 августа 2023 г.;

принята к публикации 19 февраля 2024 г.

Для цитирования: Кузнецов В.Н., Мазин К.А. «Сатурн почти не виден» (неизвестная семинария) // История и архивы. 2024. Т. 6. № 2. С. 12–31. DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-2-12-31

“Saturn is almost invisible” (the unknown seminary)

Vladimir N. Kuznetsov

*The Veteran Counterterrorism Centre,
Moscow, Russia, centr.v@inbox.ru*

Konstantin A. Mazin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, Konstantin.mazin@yandex.ru*

Abstract. The article analyses the history of the Tokyo Orthodox seminary, established in 1875 at the Russian Orthodox Mission in Japan (the Russian Spiritual Mission to Japan). The study was inspired by the most interesting document that was found by one of the authors of the article in the State Archives

of the Russian Federation while examining the archival fund of the well-known church figure Archpriest P.I. Bulgakov (GA RF, F. P597, Inv. 1, D. 135). The document is entitled “The School of the Imperial Russian Orthodox (Tikhon) Church for Educating Japanese Spies” and signed with a penname of “Ivan Goremyka” (Luckless Ivan).

It considers from a completely new perspective the activities of the Tokyo Seminary, which in Russian historiography has always been positioned as one of the highest achievements of the “soft power” exercised to promote the Russian influence on the Japanese archipelago. Such an approach necessitated a thorough analysis of all the aspects of the functioning of the described educational institution, to which most of the proposed article is addressed.

Special attention is given to the activities of seminarians after seminary graduation and the extent to which mission leaders are held accountable for the charges. A special attention is given to the seminarian activities after the graduation from the Seminary as well as to the degree of responsibility of the Mission leaders for the accusations brought against them.

It should be mentioned that the noninvolvement (except for some naivety) of Saint Nicholai of Japan, the Primate of Eastern Orthodoxy in Japan, glorified as Equal-to-the-Apostles (secular name Ivan Dmitrovich Kasatkin) was questioned neither by the “whistle-blower” himself nor by any other representative of the Russian colony in Tokyo.

However, his successor as the ruling bishop of the Japanese Orthodox mission Sergii (secular name Georgiy Alexeyevich Tikhomirov) aroused certain suspicions, so that “Ivan Goremyka” merely accused him of aiding the Japanese intelligence agencies.

Finally the authors came to the conclusion that despite being too negative and categorical, “Ivan Goremyka’s” arguments are not far from the truth: indeed, the Japanese authorities somehow managed to even use the Russian Orthodox seminary in their anti-Russian actions.

The article considers separately the fate of the Russian seminarians, the father of the Russian Sambo martial art V.S. Oshchepkov among them, who helped the Russian counterintelligence in its attempts to mitigate the negative aspects in the activity of the Seminary.

Keywords: Russian-Japanese relations of the late 19th– early 20th centuries, Russian Orthodox Mission in Japan (Russian Spiritual Mission to Japan), Tokyo Orthodox seminary, Archbishop St. Nicholai of Japan (Ivan Kasatkin), Archbishop Sergii (Georgiy Tikhomirov), activity of the Tokyo Orthodox seminary graduates

The article was submitted for publication 11.08. 2023;

accepted for publication 19.02.2024.

For citation: Kuznetsov, V.N. and Mazin, K.A. (2024), “Saturn is almost invisible (the unknown seminary)”, *History and Archives*, vol. 6, no. 2, pp. 12–31, DOI: 10.28995/ 2658-6541-2024-6-2-12-31

Введение

В середине XIX в. на Дальнем Востоке Российской империи возникла новая геополитическая реальность: насильственно выведенная из полной изоляции Япония, совершив радикальный пересмотр вековых устоев внутренней и внешней политики, приступила к коренной модернизации своей страны. От России требовались значительные комплексные усилия, чтобы не утратить собственных позиций на берегах Тихого океана. Необходимо было создать опорные точки взаимодействия в дипломатической, социально-экономической, военно-технической и культурной сферах с очень, как показала практика, специфическим государством. Причем в идеале эти опорные пункты взаимоотношений должны были приобрести функцию инструмента влияния Российской империи в Стране восходящего солнца. Одним из проявлений такой «мягкой силы» призвана была стать Русская духовная миссия, а также создаваемые при ней образовательные учреждения, об одном из которых, Токийской духовной семинарии, и пойдет речь в данной статье.

Период конца XIX – начала XX в. отмечен расширением присутствия Русской православной церкви во всех сколько-нибудь значимых геополитических центрах дальневосточного региона. Кроме существовавшей с 1715 г. Пекинской миссии появляются Японская – в 1870 г., и Сеульская в Корее, ведущая свою историю с 1900 г.

Их деятельности присущи общие черты. Работа строилась на обязательном условии невмешательства в гражданские автохтонные процессы. Все миссии в той или иной мере становились авангардом русской культуры на стыке взаимопроникновения цивилизаций. Всюду делались попытки переложения церковных служб на туземный язык, частью весьма успешные, и само собой, добровольного обращения аборигенов-язычников в православие. Также на миссии возлагалась задача духовного окормления православных русских или, в случае Пекинской миссии, потомков русских переселенцев на этих территориях. Для всех миссий характерно собирательство древних литературных памятников своих регионов и трепетное отношение к национальным традициям и культуре. Кроме того, целенаправленно велась просветительская деятельность – открывались школы для обучения местных детей русскому языку. При двух миссиях – Пекинской и Японской, существовали также семинарии, основной задачей которых была подготовка для региона катехизаторов-проповедников из числа местных жителей. Стоит отметить, что условием завершения полноценного духовного образования выпускников было продолжение обучения в семинариях митрополии².

---

² РГИА. Ф. 796: Канцелярия Синода. Оп. 193. Д. 1196. Л. 32.

*Токийская Православная духовная семинария
в оценке протоиерея П.И. Булгакова*

Сложившееся в российской исторической науке устойчивое мнение о Русской духовной миссии в Японии как о форпосте влияния Российской империи на Дальнем Востоке сегодня бытует не только среди обывателей, но и в узкопрофессиональной среде³. А факт работы на советскую разведку самого знаменитого выпускника Токийской православной духовной семинарии при миссии, отца советской борьбы самбо – Василия Сергеевича Ощепкова, породил миф чуть ли не о кузнице кадров русской разведки в глубоком японском тылу. Утверждала в этом мнении и информация о коллегах Василия Сергеевича по профессиональному цеху «рыцарей плаща и кинжала», таких же выпускников его alma mater – Трофиме Степановиче Юркевиче, Владимире Дмитриевиче Плешакове и Исидоре Яковлевиче Незнайко. Такая вот разведшкола «Сатурн» наоборот. Однако сейчас приходится признать, что все годы существования наш японский «Сатурн» действительно был почти не виден.

В процессе изысканий мы натолкнулись на печатный материал, озаглавленный как «Школа императорской русско-православной церкви (Тихоновской) для образования японских шпионов», отложившийся в фонде протоиерея П.И. Булгакова⁴, как раз на этом историческом отрезке служившего настоятелем посольской церкви при Русской духовной миссии в Японии и преподававшего «в Миссийской семинарии в Токио русским мальчикам самые разнообразные дисциплины: русский язык, теорию словесности с краткою историей литературы, всеобщую гражданскую историю, Закон Божий, конечно, японскую грамматику, пение и т. д.»⁵. Материал оформлен в виде оттиска газетной статьи на листе формата А2 за псевдонимом «Иван Горемыка».

Указанный документ в корне меняет наши представления о деятельности Русской духовной миссии в Японии и так называемой Токийской православной духовной семинарии при ней. Красной нитью через всю статью проходит мысль, что описываемая кампания – самый дорогостоящий и провальный проект Русской православной церкви. Читателя подводят к выводу, что за 40 лет существования «семинарии» было подготовлено около 1000 высококлассных японских специалистов в области руссификации, сиречь шпионов, а содержание миссии встало русской казне

³ Кулаков А.Е. Агент «Р» // Родина. 2012. № 8. С. 93–95.

⁴ ГА РФ. Ф. Р -5973. Оп. 1. Д. 135. Л. 6.

⁵ Там же. Л. 17.

в сумму, сопоставимую, по нашим расчетам, со стоимостью коренной реконструкции крепости Порт-Артур!

Безусловно, «Горемыка» основательно информирован о финансовом положении миссии. Так, например, он указывает ее годовой доход в размере 100 000 рублей золотом, что коррелирует с цифрами финансового отчета Святейшему Синоду за 1910 год о. Николая, где фигурирует сумма в 94 910 рублей⁶. Здесь надо отметить, что прочие дальневосточные миссии финансировались гораздо скромнее. Так, например, старейшая Пекинская миссия на 1913 год обходилась казне в 32 000 рублей⁷. Годовое же содержание Сеульской миссии составляло и того менее – 10 000 рублей [Хисамутдинов 2012, с. 110].

Кроме того, автор считает, что «японцы разрешили о. Николаю открыть Российскую Духовную Миссию при обязательном условии иметь школу русского языка и постарались, чтобы в миссии русских пребывало возможно меньше... так как дело шпионажа вещь деликатная»⁸.

На наш взгляд, такое положение дел вполне согласовывалось с национальными интересами самураев по подготовке «специалистов по русскому вопросу» в свете далеко идущих планов на территориальную экспансию, и открытие подобного образовательного учреждения могло, по мнению японской стороны, способствовать их реализации. Об этом говорит и то, что на протяжении почти трех десятков лет в семинарию принимались исключительно подданные Японской империи. Фактически все время семинария готовила переводческие кадры для нужд... потенциального противника!

В таком свете становятся понятными и действия японского педагогического состава семинарии с дискриминацией и отчислением русских воспитанников, представленные в материалах корреспондента газеты «Новое Время» госпожи Горячковой, и которые так старательно бросился публично опровергать епископ Сергей (Тихомиров) в еженедельнике «Церковный Вестник»⁹.

Далее «Горемыка» приводит поразительный пример, когда Токийской православной духовной семинарией был издан натуральный военно-полевой допросник, озаглавленный «Военные японо-русские разговоры!» Характерные вопросы: «Как русские

⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 193. Д. 1196. Л. 11 об.

⁷ *Священник Петр Иванов*. История возникновения Московского подворья Пекинской духовной миссии. URL: http://www.orthodox.cn/localchurch/9902moscow_ru.htm (дата обращения 22.12.2023).

⁸ ГА РФ. Ф. Р-5973. Оп. 1. Д. 135. Л. 6.

⁹ *Сергий, еп.* О русских учениках в православной семинарии в Токио // Церковный вестник. 1909. № 5. С. 147–149.

обращаются с поселянами? В каком состоянии русские? Заметна ли у них усталость? Много ли у вас раненых? Много ли у вас перебежчиков?». Есть и более откровенные фразы: «Не беги, а то застрелю. Не упирайся, а то убью». Книжечка вышла под редакцией любимого ученика Николая Японского, ректора названной семинарии Ивана Сэнума, получившего образование в Петербургской духовной академии и постигавшего основы педагогического мастерства у известного русского педагога Рачинского. «И подумать только, – восклицает Горемыка, – что такой переводчик напечатан миссией, а все духовники обучались на те гроши, что принесли на дело миссии русские мужики и бабы, мужья, сыновья и братья которых в это время страдали на фортах Порт-Артура или... у Цусимы»¹⁰.

Нашей бедой автор также считает и наплыв «православных» японцев из миссии во всех русских духовных академиях. Пользуясь преференциями своего духовного положения «могли проникнуть они туда, куда заурядному японцу, особенно военному, проникнуть было бы невозможно, и спокойно слушать то, о чем постеснялись бы говорить при посторонних»¹¹.

Автор прав. Например, студиязус Матфей Кагета, на тот момент слушатель Вифанской духовной семинарии, «пребывает на летние каникулы погостить под теплым кровом Владыки Сергия» (Страгородского) – кстати, бывшего сотрудника миссии и будущего Патриарха Московского и всея Руси – в Марковиллу, дачную мекку бомонда Санкт-Петербурга. Там он не только обласкан такими иерархами церкви, как, например, Преосвященный Киприан (Шнитников) – еще один миссионер, но и общается в доме владыки в непринужденной обстановке с неким полковником Генерального штаба Семеновым и всем его семейством¹².

В числе прочего автор сообщает, как в русско-японскую войну всех плененных русских военных священников зачем-то отправляли обратно на родину, а во все концентрационные лагеря к услугам русских солдат присылали православных священников-японцев, выпускников семинарии. Автор утверждает, что под видом исповеди духовники-японцы собирали таким образом секретную военную информацию. «От полковых священников мне пришлось не раз слышать, до чего “серая святая скотинка” бывает болтлива на ИСПОВЕДИ; особенно в дни войны, – цитирует “Горемыка”. – Священник имеет в эти минуты возможность узнать от нижнего

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р - 5973. Оп. 1. Д. 135. Л. 6.

¹¹ Там же.

¹² *Варсонофий, иерод.* Из общественной жизни: К кончине Матвея Павловича Кагета (православного японца, обучавшегося в Вифанской духовной семинарии) // Богословский вестник. 1914. Т. 1. № 2. С. 414, 415, 417.

чина такие данные, которые в другой момент солдатик никогда не скажет»¹³.

Приведенное мнение не лишено основания. Так, в дневниках о. Николая сообщается, что священники-японцы из миссии окормляли наших военнопленных в Мацуяме, Маругаме, Химедзи, Фукуцияме, Нагое и Сидзуоке¹⁴.

«Горемыка» также сообщает о высоком уровне подготовки семинаристов-японцев по русскому языку, которые к концу обучения могли свободно постигать даже такой трудный учебник, как книга Кудрявцева «Учебник философии»¹⁵.

Высокий уровень владения русским языком, опираясь на мнение независимых источников, отмечает и современный исследователь А.Н. Хохлов: «В Японии зародились целые кадры переводчиков, которые очень недурно изучили русский язык» [Хохлов 1996, с. 70].

«Для чего же готовили учеников?» – задается вопросом «Горемыка». И ссылаясь на японское издание «Кокумин-синбун», отвечает, что по окончании курса большая их часть идет в Сибирь, «под которой в Японии разумеют главным образом территорию от Байкала до Тихого океана». «Думаю, нет нужды объяснять, куда направляли свои донесения эти своеобразные апостолы», – заканчивает автор эту часть своего повествования. Тут бы и нам кстати вспомнить о тех «фотографрах, цирюльниках, слугах в гостиницах и в частных домах, и купцах, рассылаемых японским военным Генеральным штабом во все концы России», что упоминает в своих дневниках преосвященный Николай Японский¹⁶.

Рассказывает «Горемыка» и о шпионской деятельности японцев в Приамурье, когда «все проповедники ушли из духовной миссии в экспедиционные отряды». При правительстве Меркуловых состоял некто Хигуци, выпускник Киевской академии, затем «академик же» Саикаиси. Во Владивосток направляются священник Павел Морита и Иван Сэнума, а в Харбин – «протоиерей» Семеон Мий, а с ним состоящий на службе в полиции Петр Исикава. «Этот “квартет” идет под знаменем православия»¹⁷.

«Ныне Хигуци инспектор по преподаванию русского языка во всех военно-учебных заведениях Японии», – пишет ниже автор.

¹³ ГА РФ. Ф. Р-5973. Оп. 1. Д. 135. Л. 6.

¹⁴ Дневники св. Николая Японского. Т. 5 / сост. К. Накамура. СПб.: Гиперион, 2004. С. 155, 161, 171.

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-5973. Оп. 1. Д. 135. Л. 6

¹⁶ Дневники св. Николая Японского. Т. 5 / Сост. К. Накамура. СПб.: Гиперион, 2004. С. 306

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-5973. Оп. 1. Д. 135. Л. 6.

Что ж, вынуждены отметить, подобная практика была обычным делом в школе-семинарии. Вот еще одна дневниковая запись о. Николая: «И еще воспитанный в России академист ушел... служить военному ведомству»¹⁸.

Далее в списке Иван Сэnuma – ректор школы семинарии, любимый ученик архиепископа Николая. А указанный полицейским Исикава – в прошлом доверенное лицо владыки, «один из самых надежных»¹⁹.

Все лица, указанные «Горемыкой» в качестве японских шпионов – выпускники школы-семинарии, возвращенные на русские деньги.

Подобного мнения на деятельность японских выпускников «семинарии» придерживается, несмотря на идеологические противоречия, и советская сторона. Так, Борис Кандидов в журнале «Спутник агитатора» за 1937 г. пишет: «В истории японского шпионажа особую роль выполняла и выполняет японская православная церковь, существующая в Японии с 1858 г. Она возникла в результате миссионерской деятельности православных попов, посланных царским правительством в Японию для шпионажа к укреплению влияния российского империализма. Японское правительство вполне терпимо относилось к этой организации царского шпионажа, так как японские православные попы охотно “совместительствовали” в японской разведке, оказывая и ей свои шпионские услуги. После победы советской власти их двойная служба окончилась, и они целиком “посветили” себя японским хозяевам» [Кандидов 1937, с. 24]. Здесь советский автор, автономно от предыдущего, ссылается на пример «японских граждан» и «православных попов» Симона Мия и Павла Морита – уже известных нам по описанию «Горемыки» – которые, по мнению Б. Кандидова, приезжали в Сибирь по поручению японских капиталистов и военной разведки в период японской оккупации советского Дальнего Востока [Кандидов 1937, с. 24].

Также Кандидов приводит независимое мнение современника тех событий, генерал-лейтенанта царской армии, Верховного главнокомандующего войск Временного Всероссийского правительства (Уфимская директория) В.Г. Болдырева: «Воспитанники Суррагадайской семинарии, получившие образование за счет миссии... командированы переводчиками в японские полки, находящиеся в Сибири, где благодаря недурному знанию русского языка оказывают немалую услугу по изучению столь интересующего японцев материка» [Кандидов 1937, с. 25].

¹⁸ Дневники св. Николая Японского. Т. 5. С. 57.

¹⁹ Там же. С. 150, 156.

Здесь под Суррагадайской семинарией генерал, несомненно, понимает Токийскую православную духовную семинарию, распологавшуюся на холме Суррагадай. Генерал туго знал сей предмет, о котором говорил. После ухода с поста главнокомандующего в 1918 г. Василий Георгиевич был командирован в Японию с целью ознакомления с устройством военного обучения в Японии, где параллельно встречался с японскими правительственными и военными чиновниками и имел возможность составить свое мнение об уровне подготовки японских воспитанников семинарии [Попов 1999, с. 50].

Отдельного внимания заслуживает информация о преп. Сергии (Тихомирове), которого «Горемыка» прямо обвиняет в сотрудничестве с японской стороной, как из сугубо меркантильных побуждений, так и в результате вербовки, вариант которой в оперативных документах обычно обозначают термином «медовая ловушка»: «Я лично наблюдал, как Русская духовная миссия для японской полиции переводила корреспонденцию русских же людей... В заключении я обязан заявить, что самую некрасивую роль в этой преступной эпопее играет АПОСТОЛ Сергий, марающий своего предшественника...»²⁰.

Нового руководителя миссии нелюбезно характеризует своим адресатам и сам протоиерей Булгаков. Эпитеты «ничего не делающий лежебок», «с руками в кольцах», «сух и зол», «в семинарии его ненавидят» – это все о нем²¹. Упоминает настоятель Посольской церкви и о махинациях последнего с землей: «Если будете говорить с представителями СССР, то передайте им, что земельная собственность Японской Миссии не церковная, а государственная, указания на что должно искать в архиве бывшего Синода. Сергей не имел права спекулировать НАРОДНЫМ достоянием».

В заключении своего печатного разоблачения автор, скрытый за псевдонимом «Иван Горемыка», пишет: «Считаю долгом обратить внимание всех, кто бы ни правил Россией, на факт существования учреждения, содержавшегося и продолжающегося частью содержаться на деньги русских, и в то же время самого опасного для русских же, ибо это учреждение, имеющее во главе русского епископа, имеет возможность великолепно маскировать свою работу. И эта маскировка не потеряла смысла и теперь».

Не вызывает сомнений как искренность, так и информированность автора статьи. Петр Иванович Булгаков так позиционирует автора материала в письмах своим адресатам: «Автор этой статьи мне известен, но не имею прав открывать его имени: живет в Япо-

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-5973. Оп. 1. Д. 135. Л. 6.

²¹ Там же. Л. 30, 57.

нии и служит японцам, и еще может пригодиться России при наступлении лучших времен». Кроме того, Булгаков уверен, что «последствия “раскрытия” могут быть очень печальные» для автора. Да и сам Петр Иванович всерьез опасается за свою жизнь: «Сам я решил писать Вам только потому, что уехал в Америку и проживаю вне пределов досягаемости для японских шпионов»²².

Вряд ли почтенный протоиерей взял бы на себя смелость дезинформировать, а тем более разыгрывать своих адресатов, ведь среди них такие выдающиеся деятели Русской православной церкви, как светоч богословских наук, профессор Николай Никанорович Глубоковский, архипастырь Русской православной церкви митрополит Евлогий, а также особа царской крови – Великий князь Николай Николаевич.

Заканчивая свое сообщение, «Горемыка» задается вопросом: «1. Почему бывший Синод не обратил должного внимания на это вопиющее учебное заведение? 2. Почему бывшие в Японии монахи и священники закрывали глаза на “работу” миссии? 3. Что деляли послы, военные агенты и морские, хорошо знавшие о «религиозной» работе православных японцев? И не заслуживает ли вся эта духовная, дипломатическая, военная и морская публика отдачи под суд за измену и предательство отчизны, начиная с патриарха, митрополитов и пр. архиереев?»²³.

Картина, безусловно, рисуется совершенно удручающая. Открывшиеся обстоятельства указывают на то, что создание школы-семинарии при миссии было инициировано японским правительством с целью многоцелевой подготовки русскоговорящих японских специалистов по русскому вопросу, причем исключительно за счет русского казначейства. Характерно, что с момента открытия школы-семинарии (1875 г.) и до 1902 г. в семинарии обучались только японцы. При этом японская сторона всемерно пользовалась доверчивостью, а где-то и наивностью о. Николая, «в сердце коего пылал пламень любви к погибающему народу японскому и желание просветить погибающих».

Со смертью архиепископа Николая ситуация усугубилась приходом к руководству миссией епископа Сергия (Тихомирова). Сотрудничество этой неоднозначной личности с японской разведкой, по мнению того же «Горемыки», обусловлено как любостыжательными амбициями будущего митрополита Токийского и Японского, так и обстоятельствами личного характера, совсем не приличествующими монашескому сану данной особы. О чем прямым текстом говорит в своей статье упомянутый нами «Горемыка».

²² Там же Л. 6–57.

²³ Там же Л. 6–16.

Русские выпускники Токийской семинарии

Однако, на наш взгляд, не все обстоит столь печально. На основании имеющихся на сегодняшний день материалов складывается впечатление, что перед нами классическая «китайская шкатулка» с двойным дном.

Целенаправленная деятельность японских выпускников семинарии на антироссийской ниве, особенно в годы русско-японской войны, непременно должна была вызвать законный интерес русской контрразведки. В попытке по русскому обычаю «убить двух зайцев» для обучения в школу-семинарию в Токио направляются дети-сироты или дети низших чинов русской армии, так называемые казачата. Русские мальчики командировались в Японию российскими региональными руководителями контрразведывательных служб, и именно по этому ведомству русские выпускники школы-семинарии продолжали свою службу в Русской императорской армии. Так, например, известные нам Легасов, Романовский, Ощепков, Юркевич, Плешаков служили исключительно по указанному ведомству.

С одной стороны, таким образом предпринималась попытка решить вопрос дефицита переводческих кадров в армии, особенно остро обозначавшийся в годы войны, а с другой – поломать игру противника по подготовке в стенах русского духовного учебного заведения японских агентов. Русские воспитанники в школе-семинарии, как вариант контригры русского Генерального штаба, вполне были способны дезавуировать и таким образом свести на нет подготовку будущей японской агентуры. Судя по всему, российская сторона надеялась со временем превратить русских воспитанников семинарии в «живые энциклопедии» вражеских агентов, многие из которых были их товарищами по совместной учебе.

Впрочем, как всякая медаль, она тоже имела оборотную сторону – нереальность агентурной работы в тылу вероятного противника на фоне своей абсолютной узнаваемости. «Когда тебя в лицо узнает каждая японская собака, даже такая знатная, как адмирал целой эскадры, как в случае с Василием Ощепковым, о никакой нелегальной работе не может быть и речи» [Куланов 2012, с. 252]. При условии, что японские масс-медиа интенсивно собирали материалы о русских семинаристах вплоть до места рождения, социального происхождения и сферы профессиональной деятельности родителей, не говоря уже о фотоотчетах [Куланов 2011, с. 93–95].

Революционные события 1917 г. и последовавшая за ними Гражданская война поломали всю хитроумную машину русского военного плана по противодействию имперским амбициям восточного

соседа и разметали по разным уголкам нашей необъятной Родины его «детальки – людешек», выпускников семинарии.

Большинство из них, следуя своему социальному происхождению, выбрали сторону Советской власти и, верные долгу и присяге, продолжили делать то, что умели лучше всего – служить Отечеству. Родина употребила их специфические профессиональные навыки в сфере японского противодействия. Прежде всего на Дальнем Востоке, Сахалине и в Китае, куда самурайские руки тянулись особенно рьяно.

Впрочем, то ли по скудоумию начальствующих «разведработников от сохи», то ли по дефициту профессиональных кадров делались попытки применить навыки русских семинаристов и на территории островной Японии в качестве разведчиков-нелегалов. Подобный опыт можно сравнить разве что с практикой заколачивания гвоздей микроскопом. Не удивительно, что особого успеха он не имел.

В дальнейшем судьба русских выпускников Токийской православной духовной семинарии сложилась трагично. Большинство приняло мученическую смерть в годы сталинских репрессий – кто в Бутырской тюрьме, а кто на Бутовском полигоне.

Принимая во внимание целенаправленное и фактически одномоментное «выведение из игры», очевидно, русский состав выпускников школы-семинарии пал жертвой диверсионно-подрывных вражеских мероприятий, направленных на дискриминацию наиболее информированных контрразведывательных кадров, лично знакомых с методами работы потенциального противника и способных провести визуальную идентификацию вражеских агентов, часть которых они знали по факту совместной учебы. Подготовленные к службе в контрразведке и «заточенные» на разоблачение японских шпионов, они представляли реальную угрозу для намечаемой самураями территориальной экспансии.

Итоги деятельности Токийской духовной семинарии

В завершение статьи вернемся к результатам существования Токийской духовной семинарии, квалифицированной «Иваном Горемыкой» как «самый провальный проект» Русской православной церкви в Японии. Во-первых, нельзя рассматривать деятельность учебного заведения как узко церковное мероприятие. Русская православная церковь являлась на описываемый момент частью государственной машины и должна была действовать исходя из тех установок, которые давали ей имперские структуры, отвечающие за внешнюю политику в целом. Вот выдержка из инструкции

МИДа России нашему посланнику в стране восходящего солнца: «Мы занимаем в отношении Японии совершенно исключительное положение, отличное от того, в котором находятся другие иностранные государства; оно обусловлено, с одной стороны, близким соседством нашим к Японии, с другой – отсутствием, по крайней мере на некоторое время, торговых интересов, привлекающих туда другие нации; наше соседство не позволяет нам оставаться равнодушными ко всему происходящему в Японии, мы должны зорко следить за внутренним ее развитием; отсутствие же торговых интересов дает нам возможность быть гораздо снисходительнее других держав в наших требованиях и даже оказывать поддержку японскому правительству» [Иванова 1993, с. 56]. Исходя именно из такой «снисходительности» и строилось наше взаимодействие с японцами в первый период после установления дипломатических отношений. Отсюда и компромиссные шаги руководства миссии по поводу отсутствия русских учеников в семинарии, и уступки по вопросам учебных планов, и т. д., и т. п. Кстати, аналогичные уступки делались Японии и в других сферах взаимоотношений, например в дипломатической, когда приоритетно открывались ее консульства в Сибири и на Дальнем Востоке в ущерб тому же Китаю [Синиченко 2012, с. 108].

Во-вторых, открытие различных учебных центров в первую очередь с целью изучения иностранных языков было очень распространенной практикой для Японии эпохи модернизации. После отмены антихристианского закона в 1873 г. на всех крупных островах страны Восходящего солнца учреждаются миссионерские центры, а при них – языковые школы: на Хоккайдо – Аграрный колледж в Саппоро; на Хонсю – в Йокогаме; на Кюсю – в Кумамото [Иванова 1993, с. 49].

На два года раньше, в 1873 г., на базе существовавшего с 1857 г. так называемого «Департамента освоения варварских письмен» была открыта Токийская школа иностранных языков с русским отделением. Ее выпускники после 5-летнего обучения получали законченное высшее образование. Преподавание там вели служащие российских учреждений в Японии, а также такие видные политэмигранты, как Л.И. Мечников, А.А. Коленко, Н. Грей, С.Ю. Готский-Данилович [Иванова 1993, с. 93].

За тринадцать лет на русском отделении прошли обучение 567 японцев (правда, полный курс закончили лишь 20 студентов). В 1885 г. Токийская школа иностранных языков была закрыта из-за финансовых трудностей министерства просвещения Японии. Однако японо-китайская война 1894–1895 гг. вскрыла существенный дефицит переводчиков с китайского и русского языков. Уже в 1896 г. были открыты курсы русского языка в Саппоро, быстро разросшиеся

до языкового Училища. В 1899 г. восстановили и Токийскую школу иностранных языков со статусом трехлетнего колледжа, где русское отделение вновь стало одним из самых многочисленных.

Таким образом, как мы видим, подготовка японских русистов велась далеко не только в Токийской семинарии. Да и кадровый резерв военное и разведывательное ведомства японской империи пополняли, как свидетельствуют авторитетные специалисты в этой области, в первую очередь за счет выпускников Токийской школы иностранных языков [Иванова 1993, с. 109].

Правда, только столичная семинария финансировалась, причем достаточно щедро, из русской казны. Но такой «шикарный» бюджет она стала получать лишь последние годы своего существования. В первые десятилетия данное образовательное учреждение было ограничено в средствах. Дело доходило до того, что на нужды учебного процесса приходилось скидываться преподавателям, получавшим довольно скудное содержание [Иванова 1993, с. 58].

В-третьих, если рассматривать деятельность Токийской семинарии в контексте расширения общих знаний о России и знакомства с лучшими образцами русской культуры, то надо признать, что существенный сдвиг в этой области был достигнут в том числе и стараниями столичных семинаристов. На страницах периодических изданий регулярно публиковались переводы (причем семинария была пионером в этом деле) произведений Л.Н. Толстого, А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, А.И. Куприна и других писателей. Среди видных русистов можно назвать уже упомянутого нами автора «Военных японо-русских разговоров», выпускника, а затем ректора семинарии Сэнумо Никутаро, состоявшего в активной переписке с Л.Н. Толстым в связи с переводом им «Анны Карениной»; его супругу, выпускницу женской школы при Русской духовной миссии Сэнумо Кае, переводчицу И.С. Тургенева, М. Горького, А.П. Чехова и других корифеев литературы; патриарха русистики Набори Сему и еще многих семинаристов, оставивших заметный след в деле приобщения японцев к русской культуре.

Значительное количество выпускников семинарии добились заметных успехов в различных отраслях государственной службы. Например, в области образования Сато Сескэ стал президентом университета Хоккайдо, Судзуки Отохэй заведовал русским отделением в Токийской школе иностранных языков. Като Мацуо получил пост министра, Абэ Хироси – губернатором Токио, Андо Кэнскэ был мэром Йокогамы, Омаэ Тайдзо и Каваками Тосихико – видными дипломатами [Иванова 1993, с. 82–89]. Все это показывает качественный уровень семинарского образования, явно способствующий карьерному росту выпускников данного учебного заведения.

В целом же русскую «мягкую силу», в том числе и деятельность Токийской семинарии, можно оценить как положительный фактор нашего межгосударственного взаимодействия. По образному выражению авторитетного знатока русско-японских отношений Г.Д. Ивановой: «Знакомство с непреходящими ценностями, созданными великим соседним народом, оказывало на них многостороннее воздействие. Раскрывались новые горизонты, преодолевалась вековая островная ограниченность. Уходил страх перед могущественным северным соседом и соответственно умерялись воинственные настроения. Возрастали перспективы мирного сосуществования и взаимного культурного обогащения» [Иванова 1993, с. 109].

Ну, и в-четвертых, со своей основной задачей – подготовкой грамотных клириков для окормления японской православной паствы (на 01.01.1912 г. в Японии числилось уже 33 017 православных верующих в 266 церковных общинах) – семинария вполне справилась: за годы существования данного образовательного учреждения было подготовлено более 40 священнослужителей, 116 проповедников (катехизаторов), 14 учителей церковного пения и причетников.

Но если сравнить усилия нашей страны по увеличению влияния на японских островах с аналогичной деятельностью США, Великобритании и других стран, превосходящих тогдашнюю Россию в первую очередь по экономическим параметрам, то наши успехи уже не будут выглядеть так впечатляюще. Еще в 1869 г. японский правительственный вестник «Мэйдзи Гэнкан» опубликовал классификацию всех стран мира по пяти категориям: 1) цивилизованные; 2) просвещенные; 3) полупросвещенные; 4) нецивилизованные; 5) варварские. По этому «рейтингу» Россия была отнесена ко второй категории. И в соответствии с этим в 1870–1871 гг. за получением образования в США было направлено 149 учеников; 126 – в Англию; и только 9 – в Россию [Иванова 1993, с. 16, 89].

Этим актом Япония практически навсегда определила приоритеты в своей внутренней и внешней политике, т. е. чьи образцы будут эталонами для формирования новой армии, экономических реформ, создания системы образовательных учреждений и политических институтов. К тому же близкое соседство Страны восходящего солнца с Российской империей почти сразу породило территориальные претензии Японии по поводу Курильских островов и Сахалина, столкновение затем экономических интересов в Северо-Восточном Китае и Корее еще более усугубило антагонизм в межгосударственных отношениях двух стран.

Заключение

Все вышеприведенные доводы логично объясняют и причины русско-японской войны 1904–1905 гг., и фактический провал попыток отдельных деятелей культуры Страны восходящего солнца установления гуманитарных контактов со Советской стороной [Киба 2017, с. 25], и продолжившуюся после установления дипломатических отношений незаконную японскую монополию на лов рыбы в районе полуострова Камчатка [Кошкарева 2017, с. 74], и вынужденное признание нами непомерных самурайских геополитических претензий на территории Китая [Синиченко 2014, с. 159], и противостояние СССР и Японии в годы Второй мировой войны, отсутствие до сих пор основополагающего договора между нашими странами, да и присоединение в настоящее время Японии к русофобской компании по поводу событий на Украине. Никакие усилия нашей «мягкой силы» ни во второй половине XIX – начале XX в., ни в последующее время не смогли преодолеть ситуацию, когда большая часть японского общества, несмотря на варварские атомные бомбардировки (о которых большинство японцев не имеет достоверных сведений), ни фактически продолжающуюся американскую оккупацию, именно США считают своим учителем и основным примером для подражания, а России отводят роль агрессора, незаконно захватившего якобы «японские» острова Курильской гряды.

Таким образом, возвращаясь к выводам «Ивана Горемыки», приходится констатировать, что, несмотря на некоторую излишнюю категоричность, по сути, они являются справедливыми. Так как совершенно очевидно, что японцам благодаря нашей «снисходительности» отчасти удалось заставить даже русскую православную семинарию служить целям реализации своих далеко идущих имперских амбиций, направленных, в первую очередь, против главного оплота православия – Российской империи. Да и переходили многие японцы (тому есть свидетельства) в православие чисто формально, не уверовав в Христа, а чтобы приобщиться к высочайшим проявлениям русской культуры, а иные так и просто с целью лучшего понимания менталитета будущего противника, находясь, так сказать, внутри его основной духовной ипостаси. Это объясняет и известный «литературный уклон» в деятельности выпускников Токийской семинарии, и участие некоторых бывших семинаристов в военных и разведывательных действиях против России. Поэтому трудно не согласиться с суждением того же «Ивана Горемыки» о том, что надо помнить каждому русскому, имеющему дело с японцами: «Япония, исстари проникнутая духом рыцарства (Бусидо),

предпочла оставаться верною своему вековому принципу, – остерегает “Горемыка”. – А этот принцип краток и выразителен: “ВСЕ для ГОСПОДИНА” (т. е. императора Японии)»²⁴.

Говоря словами русской народной пословицы: «Сколько волка ни корми, он все в лес смотрит».

P.S. На наш взгляд, весь ход развития русско-японских отношений во все исторические эпохи наглядно доказывает, что время «снисходительности» со стороны России давно прошло. Может быть, очень давно...

Литература

- Иванова 1993 – *Иванова Г.Д.* Русские в Японии XIX – начала XX в.: Несколько портретов. М.: Наука: Восточная литература, 1993. 170 с.
- Кандидов 1937 – *Кандидов Б.* Церковные шпионы японского империализма // Спутник агитатора. 1937. № 14. С. 24–27.
- Кибя 2017 – *Кибя Д.В.* Материалы Архива внешней политики Российской Федерации о вкладе общественных организаций СССР и Японии в нормализацию отношений между странами в 1920–1930-е гг. // Вестник архивиста. 2017. № 1. С. 25–36.
- Кошкарева 2017 – *Кошкарева С.Г.* Архивные документы о русско-японских отношениях на Камчатке в период установления советской власти // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 74–83.
- Куланов 2012 – *Куланов А.Е.* Агент «Р» // Родина. 2012. № 8. С. 93–95.
- Куланов 2011 – *Куланов А.Е.* Русские семинаристы в Токио: учеба и судьбы // Япония. 2011. Т. 40. С. 222–237.
- Попов 1999 – *Попов А.В.* Загадка генерала Болдырева: новые документы по истории белой Сибири // История белой Сибири: Материалы III международной научной конференции / отв. ред. С. П. Звягин. Кемерово, 1999. С. 48–54.
- Синиченко 2012 – *Синиченко В.В.* Открытие зарубежных консульств в Сибири и на Востоке Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.: По документам Государственного архива Иркутской области // Вестник архивиста. 2012. № 1. С. 108–120.
- Хисамутдинов 2012 – *Хисамутдинов А.А.* Духовные миссии Китая, Японии и Кореи (конец XIX – первая половина XX в.) // Известия Восточного института. 2012. № 2. С. 96–112.
- Синиченко 2014 – *Синиченко В.В.* Политическое влияние Японии в Китае накануне и в годы Первой мировой войны: позиция России // Вестник архивиста. 2014. № 3. С. 159–168.
- Хисамутдинов 2010 – *Хисамутдинов А.А.* Русская Япония. М.: Вече, 2010. 400 с.

---

²⁴ ГА РФ. Ф. Р-5973. Оп. 1. Д. 135. Л. 6.

Хохлов 1996 – Хохлов А.Н. Роль Токийской православной семинарии в подготовке переводчиков-японистов // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 2: Памяти святителя Николая, апостола Японии: 1836–1912. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996. С. 64–78.

References

- Ivanova, G.D. (1993), *Russkie v Yaponii XIX – nachala XX v.: Neskol'ko portretov* [The Russians in Japan in the 19th – early 20th centuries. Some sketches], Moscow, Russia.
- Kandidov, B. (1937), “Church spies of Japanese imperialism”, *Sputnik agitatora*, no. 14, pp. 24–27.
- Khisamutdinov, A.A. (2012), “Orthodox Missions in China, Japan and Korea (late 19th – first half of the 20th centuries)”, *Izvestiya Vostochnogo instituta*, no. 2, pp. 96–112.
- Khisamutdinov, A.A. (2010), *Russkaya Yaponiya* [Russian Japan], Moscow, Russia.
- Khokhlov, A.N. (1996), “The role of the Tokyo Orthodox seminary in preparing translators-specialists on Japan”, in *Pravoslaviye na Dal'nem Vostoke. Vyp. 2: Pamyati svyatitelya Nikolaya, apostola Yaponii: 1836–1912* [Orthodoxy in the Far East, iss. 2. In memory of Archbishop St. Nicholai Apostle of Japan. 1836–1912], pp. 64–78.
- Kiba, D.V (2017), “Materials from the Archives of the Foreign Policy of the Russian Federation on the contribution of the public organizations of the USSR and Japan to the normalization of the relations between the countries in 1920–1930s”, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 25–36.
- Koshkareva, S.G. (2017), “Archival documents on the Russo-Japanese relations in the Kamchatka during the establishment of the Soviet power”, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 74–83.
- Kulanov, A.E. (2012), “Agent ‘R’ ”, *Rodina*, no. 8, pp. 93–95.
- Kulanov, A.E. (2011), “Russian seminarians in Tokyo. Studies and fates”, *Yaponiya*, vol. 40, pp. 222–237.
- Popov, A.V. (1999), “The secret of General Boldyrev. New documents on the history of the White Syberia”, in Zvyagin, S.P., ed., *Istoriya beloi Sibiri: Materialy III mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [History of the White Syberia. Proceedings of the III International Scientific Conference, Kemerovo, Russia, pp. 48–54.
- Sinichenko, V.V (2012), “Opening of foreign consulates in Siberia and in the East of the Russian empire in the second half of the 19th – 20th centuries. Based on the documents of the State Archives of the Irkutsk region”, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 108–120.
- Sinichenko, V.V (2014), “Political influence of Japan in China before and during World War I: Russian position”, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 159–168.

Информация об авторах

Владимир Н. Кузнецов, ООО «Центр “Ветеран-Контртеррор”», Москва, Россия; 107076, Россия, Москва, ул. 1-я Бухвостова, д. 12/11, корп. 13; centr.v@inbox.ru

ORCID ID:0009-0004-1797-5004

Константин А. Мазин, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Konstantin.mazin@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0009-1936-7666

Information about the authors

Vladimir N. Kuznetsov, The Veteran Counterterrorism Centre, Moscow, Russia; block 13, bld. 12/11, 1st Bukhvostov St., Moscow, Russia, 107076; centr.v@inbox.ru

ORCID ID: 000-0004-1797-5004

Konstantin A. Mazin, Dr. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; Konstantin.mazin@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0009-1936-7666